

Уильям Теккерей

Четыре Георга

Перевод с английского
Инны Бернштейн

ФТМ

Уильям Теккерей
Четыре Георга

«ФТМ»

1861

Теккерей У. М.

Четыре Георга / У. М. Теккерей — «ФТМ», 1861

ISBN 978-5-4467-2836-7

Роман гуманиста и сатирика Уильяма Теккеря "Георги" в переводе Инны Бернштейн красноречиво показывает, что миром по-прежнему правят жестокие деспоты Ганноверской династии королей, о чьих угодничестве, снобизме и ханжестве ходят легенды, и никакого "примирения с действительностью" не бывает. Стихотворение "Георги" приводится в переводе Эльги Линецкой.

ISBN 978-5-4467-2836-7

© Теккерей У. М., 1861

© ФТМ, 1861

Содержание

Георги	5
Георг I	8
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Теккерей Уильям Мейкпис

Четыре Георга

Очерки придворной и столичной жизни, ее обычаев и нравов

Георги

По случаю того, что во дворце парламента должны быть воздвигнуты статуи сих возлюбленных монархов, некая юная особа (имеющая связи при дворе) осчастливила нас копиями надписей, которые будут выгравированы под изображениями этих брауншвейгских светил.

Георг I – светило Брауншвейга

Предпочитал он Англии Ганновер,
А двух уродливых любовниц
Предпочитал супруге, чистой и прекрасной.
Литературу презирал, искусство ненавидел,
Зато салаты с ворванью любил
И покровительствовал устрицам прескверным.
Он Уолпола в министры произвел,
Порочным вкусам неизменно верный.

Георг II

Родителя взяв себе за образец,
Я муж был неверный и скверный отец,

Сквалыжничал, жадничал, деньги копил
И немцем на троне английском я был,

Французов побил в Деттингенском бою,
Шотландцам устроил резню в их краю...

Беспутен и туп, неучтив и жесток,
Никем не оплаканный, в землю я лег.

Чтоб должный придать моей статуе вид,
В подножье пусть Питт на коленях стоит.

Георг III

Почет и место статуе моей:
Я – лучший из английских королей.

Достойный славословий и похвал,
Жене-дурнушке я не изменял.

Пусть сохранить Америку не смог,
Зато вседневно ел бараний бок.

Умом, пожалуй, был я слабоват,
Но англичанин с головы до пят.

Всех королей попрал Наполеон,
Лишь я стоял; и вот – повержен он.

Французу изломали дерзкий штык
Старуха Англия, Георг старик.

Мой Нельсон потопил его суда,
А Веллингтон взял с бою города.

Мой стяг везде – на суше и воде...
Мне равного не сыщете нигде!

Я сверженных монархов привечал,
Им троны и короны возвращал...

А впрочем, что мне в суше и морях,
Во всех спасенных мною королях,

И в том, что мной пленен Наполеон?
Победой я отнюдь не упоен.

Мне короли лобзали край одежд,
Но я не поднимал сонливых вежд;

Я к ликованью Англии был глух,
Салюты мне не радовали слух...

Зачем мне слава, почести, венец,
Когда я старый, сбрендивший слепец!

Georgius Ultimus¹

И старцам, и юнцам его пример
Наукой да не будет:
Он оскорблял равно и женщин и мужчин,
Он изменял жене и был любовником неверным,
Он предавал и убежденья и друзей.
Невежда, грамоту он одолеть не мог,
Зато в портняжном понимал искусстве
И мастер был по кулинарной части.
Воздвиг он Брайтонский дворец, а также
Бакингемский,
И за такие достижения был
Восторженною знатью именован
Он «первым джентльменом всей Европы».
Прошу вас чтить того, чью статую вы зрите,
А также тех, кто восторгался им.

¹ Эта чертовка госпожа принцесса (франц.).

Георг I

Всего несколько лет назад я близко знал одну почтенную даму, которой в молодости делал предложение Хорее Уолпол, а в детстве ее погладил по головке Георг I. Эта дама бывала в гостях у доктора Джонсона, дружила с Фоксом, с прекрасной Джорджиной Девонширской, была своим человеком в блестящем обществе вигов при Георге III; она лично знала еще герцогиню Куинсберри, покровительницу Гэя и Прайора и всеми признанную первую красавицу при дворе королевы Анны. Часто, держа за руку мою добрую старую приятельницу, я думал о том, что через нее соприкасаюсь с миром остроумцев и кавалеров минувшей эпохи. Я переносился мыслью на сто сорок лет назад и видел Браммела, Селвина, Честерфилда, этих магистров удовольствия; видел Уолпола и Конвея; Джонсона, Рейнольдса, Гольдсмита; Норта, Чатема, Ньюкасла; видел белокурых фрейлин Георга II; немецкий двор Георга I, при котором был министром Аддисон, где служил Дик Стилль, куда прибыл великий Мальборо со своей неукротимой супругой, – когда еще жили и писали Поп, и Свифт, и Болинброк. Об обществе столь многолюдном, деятельном и блестящем невозможно дать сколько-нибудь полного представления в четырех кратких главах; мы можем лишь, приподнимая на миг завесу времени, заглянуть еще и еще раз в этот давний мир Георгов, посмотреть, что представляли собой они сами и их дворы; бросить взгляд на людей, которые их окружали; приметить былые обычаи, моды и удовольствия и сопоставить их с нынешними.

Я должен оговорить это, приступая к своим лекциям, поскольку тема их была неверно истолкована и меня упрекали за то, что я не написал ученого исторического трактата, хотя такого намерения у меня никогда не было. Не о сражениях, не о политике и политиках, не о делах государственных собираюсь я повести речь, но набросать картину жизни и нравов минувшей эпохи; позабавить рассказами о том, каков был некогда свет; и, поделившись плодами многих приятных часов, проведенных над книгами, помочь моим слушателям скоротать несколько зимних вечеров.

В числе германских князей, внимавших Лютеру в Виттенберге, значится герцог Целльский Эрнст, чей младший сын Вильгельм Люнебургский и оказался родоначальником славного Ганноверского дома, ныне царствующего в Великобритании. Герцог Вильгельм держал двор в Целле, – ныне это город средней руки с десятитысячным населением, лежащий на железнодорожной линии между Гамбургом и Ганновером и на берегу реки Аллер посреди широкой песчаной равнины. А во времена герцога Вильгельма это был скромный бревенчатый городок с большой кирпичной церковью, которую герцог прилежно посещал и в которой покоятся доныне останки его самого и его сородичей. Он был очень набожный монарх, от своих немногочисленных подданных он получил прозвище Вильгельм Благочестивый и мирно правил ими до тех пор, пока судьба не лишила его сразу и зрения и разума. В последовавшие за этим годы у него еще иногда случались периоды умственного просветления, и тогда он приказывал придворным музыкантам играть его любимые церковные мелодии. Поневоле вспоминается его потомок, который двести лет спустя, дряхлый, слепой и лишенный рассудка, распевал Генделя в Виндзорском замке.

У Вильгельма Благочестивого было пятнадцать детей, восемь дочерей и семь сыновей, и эти семеро, поскольку наследство им должно было достаться небольшое, тянули жребий, дабы решить, которому из них жениться и продолжить славный род Гвельфов. Жребий выпал шестому брату, герцогу Георгу. Остальные прожили жизнь холостяками или же вступили в морганатические браки, как было принято тогда у отпрысков благородных фамилий. Странная картина, не правда ли? – старый феодал доживает дни в своем бревенчатом стольном граде, а семеро его сыновей мечут жребий: кому принять в наследство и передать потомкам древнюю Brentфордскую корону. Счастливцев Георг отправился в путешествие по Европе, побывал и

при дворе королевы Елизаветы, а в 1617 году возвратился и обосновался в Целле, куда привез себе из Дармштадта молодую супругу. Его братья тоже все жили в Целле – экономии ради. И по прошествии положенного времени они все поумирали, славные герцоги: Эрнст, Христиан, Август, Магнус, Георг, Иоганн, – и все покоятся там, в кирпичной Brentfordской церкви на песчаных берегах Адлера.

У доктора Фазе можно прочитать о том, как жили наши герцоги в Целле. Когда в девять часов утра и в четыре пополудни на башне замка трубач проигрывает сигнал, то, согласно повелению герцога Христиана, все обязаны явиться к трапезе, а кто не явится, остается голодным. Из слуг ни один, кроме крепостных, выписанных в город из имений, не имеет права ни есть, ни пить на герцогской кухне или в погребе и кормить лошадей герцогским овсом без особого на то изволения. Когда в дворцовой зале накрывают столы, всех собравшихся обходит паж и призывает хранить тишину и порядок, воздерживаться от божбы и сквернословия, соблюдать приличия – не швыряться хлебом, костями и кусками жаркого, равно как и не класть их себе в карман. На завтрак, точно в семь утра, пажи и оруженосцы получают неизменную похлебку, и к ней, а также и к обеду, подается брага, и так каждый день, кроме пятницы, когда бывает проповедь и браги не дают. По вечерам они получают пиво и на ночь тоже. Дворецкому строго предписано следить за тем, чтобы ни из простых, ни из благородных никто не допускался в герцогские погреба; вино подается только за столом герцога и его надворных советников; а по понедельникам, согласно распоряжению доброго старого герцога Христиана, ему приносят для проверки хозяйственные книги и счета по кухне, винному и пивному погребам, пекарне и конюшне.

Герцог Георг, которому выпал жребий жениться, не остался дома пить пиво и слушать проповеди. Он ездил воевать всюду, где можно было пожить. Служил генералом в протестантской армии Нижней Саксонии с союзниками, потом переметнулся на сторону императора и воевал в рядах его войска в Германии и Италии; когда же на немецкой земле появился Густав-Адольф, Георг пошел служить в шведскую армию и в качестве своей доли военной добычи захватил Гильденгеймское аббатство. Там он и умер в 1641 году, оставив после себя четырех сыновей, и от младшего из них происходят наши короли Георги.

При детях доброго герцога Георга простые и благочестивые нравы старого Целля стали выходить из моды. Второй из братьев постоянно катался в Венецию и вел там весьма предосудительный образ жизни. В конце XVII столетия Венеция была в высшей степени бойким местом, и после завершения очередной военной кампании воины-победители очертя голову бросались туда, как в 1814-м триумфаторы бросались в Париж, чтобы играть, веселиться и предаваться всевозможным несправедливым удовольствиям. Этот владетельный князь, горячо любив Венецию и ее радости, и в старый тихий Целль привез с собой итальянских певцов и танцоров и сверх того еще уронил свое достоинство, женившись на французенке гораздо ниже себя по рождению – Элеоноре д'Ольбрез, от которой происходит наша нынешняя королева. У этой Элеоноры родилась миловидная дочь, ей со временем досталось богатое наследство, по каковой причине ее кузен Георг-Людвиг Ганноверский воспылал желанием на ней жениться, так что она, при всех своих достоинствах и богатствах, кончила плохо.

Было бы слишком долго рассказывать, как четверо сыновей герцога Георга разделили между собой отчие земли и как в конце концов все досталось наследникам младшего. В этом поколении протестантская вера у них в роду едва совсем не угасла, – где бы тогда нам, англичанам, искать себе короля? Третий брат тоже был без ума от Италии, и патеры обратили его там в католичество ас ним и его протестантского духовника. И вот уже в Ганновере опять служили мессу, и вместо любимых гимнов Вильгельма Благочестивого и доктора Лютера итальянские кастраты тонко выводили латинские песнопения.

Новообращенного герцога, как и всех других перекрещенцев, щедро наградила Людовик XIV. К ганноверскому двору хлынули толпы французов, а с ними и роскошные фран-

цузские моды. Не поддается исчислению, во что обошелся Германии ослепительный король-Солнце. Каждый немецкий князь стремился подражать французскому королю; каждый заводил себе свой Версаль, Вильгельмскоэ или Людвигслюст, окружал себя пышным двором; разбивал сады со статуями; строил фонтаны с бассейнами и тритонами; каждый имел собственную труппу актеров, танцовщиков, певцов, музыкантов; каждый содержал свой гарем и его обитательниц одаривал драгоценностями и землями; каждый устраивал у себя грандиозные праздники с картами, турнирами, маскарадами и пирами по неделям, и за все это платили простые люди – деньгами, если они у них были, а нет – телами и самой кровью своей, так как господа и повелители безо всякого зазрения торговали своими подданными, за игорным столом ставили полк солдат на красное или черное, бриллиантовое ожерелье для какой-нибудь дивы покупали за батальон, – словом пользовались народом как разменной монетой.

Если представить себе по мемуарам Европу в начале прошлого столетия, картина получится ужасающая: нищие, ограбленные, опустошенные земли; сожженные крестьянские хижинки и их запуганные обитатели, собирающие жалкую жатву; они же, согнанные в кучи и штыками загоняемые в казармы или бредущие по дорогам под водительством капрала с палкой и плеткой-девятихвосткой в руке. А мимо, ныряя в колдобины, катит раззолоченная карета его светлости, который спешит в свою резиденцию чествовать фрейторов на чем свет стоит. Совсем близко, от столицы рукой подать, но все же в стороне от городского шума, от рыночной суеты, расположен Вильгельмслюст – или Людвигсруэ, или Монбигу, или Версаль, все равно – отгороженный лесами от бедствующей страны, – огромный безобразный, золоченый, беломраморный дворец, где пребывает владетельный князь и его двор, и там – аккуратно разбитые сады с большими фонтанами и охотничьи уголья в которых ободранные крестьяне выгоняют дичь (под страхом смерти они не вправе тронуть и пера), и веселая охота проносится мимо в красных с золотом кафтанах впереди скачет князь, трубя в охотничий рог, за ним придворные, фавориты и фаворитки; и вот олень упал, главный егерь ножом перерезает ему горло под победный клик охотничьих рогов, меж тем наступает время двору возвращаться обедать; и наш благородный автор, будь то барон Пельниц, или граф де Кенигсмарк, или превосходный кавалер де Сенгаль, видит, как пестрая процессия проезжает по аллеям, и спешит на постоялый двор, а оттуда посылает сообщить свое славное имя почтенному гофмаршалу. Вслед за этим наш благородный путешественник наряжается в зеленое с золотом или розовое с серебром по новейшей парижской моде и является ко двору, гофмейстер представляет его, и он отвешивает изящные поклоны владетельному князю, и прелестной принцессе, и влиятельнейшим придворным господам и дамам, после чего начинается ужин, а затем и фараон, и он проигрывает или выигрывает к утру несколько тысяч монет. Если это немецкий двор, можете прибавить сюда еще и основательное пьянство. Но Германия ли это, Франция или Испания, если аккуратно подстриженные деревья аллеи не заслоняют вид из дворцового окна, вокруг открываются однообразные картины бедствий: голод бродит по нищим деревням и маячит за плечом унылого труженика, на тощей скотине пашущего каменистую ниву или робко пожинаящего жалкий свой урожай. Курфюрст Август весел и могуч, он может одним ударом самолично повалить быка и самолично же съесть его почти без остатка; его любовница Аврора фон Кенигсмарк – прелестнейшее и остроумнейшее создание; его бриллианты – самые крупные и ослепительные в мире, его пиры не уступают пышностью версальским. А Людовик Великий уже и вовсе не смертный человек. С почтением подымайте на него взоры: вон он поглядывает из-под своего возвышенного парика на мадам де Фонтанж или мадам де Монтеспан, проходя знаменитой галереей, где склонились в поклоне Виллар, и Вандом, и Бервик, и Боссюэ, и Массийон. Можно ли вообразить королевский двор пышнее этого? вельмож и кавалеров галантнее и роскошнее? дам прелестнее? Нет, не видал глаз человеческий монарха более величавого, чем он, – и страдальца более жалкого и голодного, чем крестьянин, его подданный. Будем же держать в уме оба эти портрета, если мы хотим по справедливости оценить старое общество. Забыть ли блеск и

благородство? Никогда! Забыть изящество, красоту, великолепия, и изысканную галантность, и рыцарский дух Фонтенуа, когда французская сторона предлагает джентльменам из английского отряда стрелять первыми; и благородное упорство старого короля и его генерала Вийара, которые на последние дукаты снаряжают последнюю армию и выступают навстречу противнику, чтобы победить или погибнуть за Францию при Денене. Но все это королевское великолепие существует среди нищеты и порабощения народа, кругом живут люди, прозябающие в бесправии; лежат разоренные земли; вера, правосудие, коммерция попорчены, почти уничтожены; да и в самом этом великолепии сколько позорного зла, низости, преступлений! Благороднейшие из мужчин и блистательнейшие из женщин склоняют головы перед глупой уличной девкой; а король вешает на белую грудь своей любовницы бриллиантовое ожерелье стоимостью с целую многострадальную провинцию. В первую половину прошлого века так было, повторяю, во всей Европе. Саксония опустошена так же, как Пикардия или Артуа, а Версаль – это тот же Херренхаузен, только побольше.

Династией ганноверских монархов на нашем престоле мы, британцы, обязаны удачному браку, заключенному первым ганноверским курфюрстом Эрнстом-Августом. Спустя девять лет после того, как Карл Стюарт лишился головы, его племянница София, из многочисленного потомства другого свергнутого монарха – злосчастливого курфюрста Пфальцского – стала супругой Эрнста-Августа и принесла ему по бедности в приданое наследственное право на все три британские короны.

Одной из самых красивых, проницательных и разумных, одной из самых образованных и ярких женщин своего времени была София, дочь бедного Фридриха, «зимнего короля» Богемии. Остальные дочери несчастной красавицы Елизаветы Стюарт подались в католичество, и лишь одна она, на счастье всему семейству, осталась нельзя сказать чтобы верной реформированной религии, но, по крайней мере, не приняла никакой другой. Посланец французского короля Гурвиль, сам новообращенный католик, пытался склонить ее и ее супруга к признанию истинной веры; он рассказывает нам, как однажды спросил герцогиню Ганноверскую, к какой религии принадлежит ее дочь, в ту пору прелестная тринадцатилетняя принцесса; герцогиня ответила, что пока ни к какой, они решили подождать с наставлением принцессы до тех пор, когда станет известно, к какой религии будет принадлежать ее муж, к католической или протестантской! А герцог Ганноверский, выслушав все доводы Гурвиля, сказал, что перемена религии, может, и пошла бы на пользу его семейству, однако сам он уже слишком стар для нововведений.

Эта проницательная женщина обладала такими зоркими глазами, что умела, когда надо, закрывать их на многочисленные слабости своего мужа – герцога Ганноверского, епископа Оснабрюкского. Как все монархи, он знал толк в удовольствиях – любил весело пожить, хорошо поесть и вдоволь выпить; ездил, по следам братьев, в Италию; и мы читаем, как однажды он с легкой душой продал синьории Венеции 6700 своих ганноверцев. Под началом герцогского сына принца Макса они бодрым маршем отправились в Грецию, а вернулось их домой только 1400 человек. Немецкие князья часто торговали серой скотинкой. В этой связи можно вспомнить гессенцев, которых закупило правительство Георга III, и какое оно нашло им применение во время Войны за независимость.

Дукаты, вырученные за солдат, герцог Эрнст тратил на ослепительные развлечения. Впрочем, веселый этот монарх был экономен, расчетлив и собственные интересы блюл неукоснительно. Для себя лично он добился титула курфюрста, старшего сына Георга женил на его очаровательной сельской кузине; остальных сыновей разослал по белу свету во главе армий воевать сегодня на одной стороне, завтра на другой; и жил себе в свое удовольствие, предаваясь развлечениям и строя интриги, – правитель жизнелюбивый и неглупый, но, боюсь, отнюдь не добродетельный; этих мы в наших лекциях встретим не много.

У Эрнста-Августа было в общей сложности семеро детей; из них иные выросли гуляками и распутниками и восставали против системы первородства и неделения собственности, утвержденной их папашей – курфюрстом. «Густхен, как пишет курфюрстина о своем втором сыне, – бедный, изгнан из отчего дома, и отец отказал ему в содержании. Я днем смеюсь, а по ночам плачу; там, где речь идет о моих детях, я теряю голову». Трое ее детей пали в сражениях с турками, татарами, французами. Один вступил в заговор, восстал на отца и вынужден был бежать в Рим, а на родине оставил надежного человека, который и был обезглавлен. Дочь, о чьем воспитании шла речь выше, стала женой курфюрста Бранденбургского, и тем самым вопрос о ее религии окончательно был решен в пользу протестантизма.

Племянница курфюрстины Софии, вынужденная в свое время сменить религию, чтобы стать супругой герцога Орлеанского, брата французского короля, простодушная женщина, чье верное сердце всегда оставалось с любимым фатерландом, с родными и близкими, тогда как пухлое тело пребывало в Париже, в Марли или Версале, оставила нам в своей обширной переписке (часть которой в настоящее время опубликована по-немецки и по-французски) описание курфюрстины и ее сына Георга. Элизабета-Шарлотта была как раз в Оснабрюкке, когда Георг появился на свет (1660 год), и едва избежала взбучки за то, что вертелась под ногами в тот знаменательный день. Она, как видно, не очень-то жаловала Георга, когда он был маленький, да и когда вырос большим – тоже. Она изображает его жестоким, холодным и молчаливым. Молчаливым-то он был наверное, не то что веселый герцог, его отец; Георг был рассудительный, спокойный и себялюбивый монарх, всегда себе на уме, всегда преследующий свои цели и блюдуший собственные интересы с неизменным успехом.

При жизни отца Георг во главе восьми или десяти тысяч своих ганноверцев сражался в составе армии императора – на Дунае против турок при осаде Вены, в Италии, на Рейне. Унаследовав курфюршество, он вел дела с большой ловкостью и осмотрительностью. Жители Ганновера его очень любили. Сам он не имел обыкновения демонстрировать чувства, и, однако, слезно плакал, расставаясь со своими добрыми ганноверцами, как они плакали от радости всякий раз, когда он к ним возвращался. Получив королевство, он выказал необыкновенную сдержанность и хладнокровие, не выражал никаких восторгов, был готов к тому, что в один прекрасный день его попросят вон, и, считая себя всего лишь временным жильцом Сент-Джеймского дворца и Хемптон-Корта и не желая упускать подвернувшегося случая, понемногу занимался грабежом, этого отрицать нельзя, – и делил поживу между своими; нечего и ждать от монарха, который у себя на родине торговал подданными по стольку-то дукатов за голову и не испытывал при этом ни малейших угрызений совести? В том, как он у нас держался, я вижу немало ума, такта и даже умеренности. Немец-протестант на троне оказался дешевле, добрее и лучше, чем католик Стюарт, чье место он занял, и был предан Англии хотя бы настолько, чтобы предоставить ее самой себе.

Готовясь к этим лекциям, я счел необходимым посетить уродливую колыбель наших Георгов. Старый Ганновер, я думаю, и сегодня выглядит примерно так же, как тогда, когда с ним прощался Георг-Людвиг. Сады и павильоны Херренхаузена едва ли заметно изменились с тех пор, как старая дородная курфюрстина София упала там за смерть во время своей последней прогулки, лишь несколькими неделями опередив дочь Иакова II, чья смерть открыла путь на английский престол брауншвейгским Стюартам.

Первые два августейших Георга, как и их батюшка Эрнст-Август, к браку относились чисто по-королевски. Сам Людовик XIV или Карл II Стюарт не больше отличались у себя в Версале или Сент-Джеймском дворце, чем эти немецкие султаны в своей маленькой столице на берегах Лайне. В Херренхаузене и сейчас можно видеть дощатый театрик, где выступали дамы Платен – пели, играли комедию масок и танцевали перед курфюрстом и его сыновьями. Те же каменные фавны и дриады белеют среди зелени, все так же улыбаясь, все так же наигрывая на свирелях свой немой напев, как и в те дни, когда гримированные нимфы увешивали их

цветочными гирляндами, шествовали под сводами деревьев с золотым пастушьим посохом в руке, подгоняя барашка с золочеными рожками, или являлись из «машины» в образе Дианы либо Минервы и произносили пространные аллегорические дифирамбы принцам, воротившимся из военного похода.

Удивительные нравы утвердились тогда в европейской морали и политике странный плод полного торжества монархического принципа. Феодализм потерпел крах. Аристократия в столкновениях с королевской властью была фактически уничтожена, и теперь монарх стал – все. Он сделался почти божеством, и гордое старинное дворянство служило при его особе. Кому нести свечу, когда Людовик XIV отправляется почивать? Которому из князей подавать рубашку, когда Христианнейшее Величество хочет переодеться? – такими проблемами полны французские мемуары XVII столетия. Традиция эта и по сей день еще не вывелась в Европе. Кто из вас присутствовал среди тысяч зрителей на грандиозном открытии нашего лондонского «Хрустального дворца», наверняка обратил внимание, как два почтенных лорда, занимающие высокие посты в государстве, имеющие древние родословные, в расшитых кафтанах, со звездами на груди и с жезлами в руке, добрую милю пятились задом перед королевской процессией. Удивляться ли нам, сердиться или смеяться при виде этих церемоний? Относитесь к ним, как кому вздумается, – с презрением или уважением, с досадой или печалью. Но шляпа наместника Гесслера по-прежнему красуется на шесте. Можете с трепетом душевным склониться перед этим символом единовластия, можете нагнуть голову, хмурясь и ропща, или подобострастно улыбаясь, а можете с решительным мятежным «нет!» глубже надвинуть собственный колпак себе на уши и отказаться стаскивать его перед этим куском бархата в блестках и с развевающимся пером. Не о том сейчас речь. Я просто говорю, что шляпа Гесслера по-прежнему вознесена над рыночной площадью Европы и немало еще народа преклоняют перед ней колени.

Расставьте грубых немецких истуканов вместо мраморных статуй Версаля; примыслите фонтаны Херренхаузена взамен искристых струй Марли; и пусть на столах красуются не блюда прославленной французской кухни, а швайнекопф, шпекзуппе, леберкухен и тому подобные деликатесы, а в залах фрау фон Кильмансэгге танцует с камер-юнкером дородная Квирины или же распевает французские песенки с ужасающим немецким прононсом, – вообразите, словом, топорный Версаль, и перед вами будет Ганновер. «Я теперь очутилась в царстве красоты, – пишет из Ганновера в 1716 году Мэри Уоргли. – У всех здешних дам щеки в буквальном смысле слова пунцовые, губы и шеи белоснежные, брови черные, как смоль, и обычно такие же смоляные волосы. Совершенства эти остаются при них до самого смертного часа и при свечах производят сильное впечатление, жаль только, их красоте немного не хватает разнообразия. Все дамы походят одна на другую, как восковые фигуры в паноптикуме миссис Сэлмон, изображающем «Английский королевский двор», и тем и другим опасно приближаться к огню: растают!» Язвительная Мэри Уоргли наблюдала этот сераль Георга I в Ганновере через год после его восшествия на британский престол. Что там тогда творилось! Видела там леди Мэри и Георга II. «Могу сказать без лести и пристрастия, – пишет она, – что наш юный принц обладает всеми достоинствами, мыслимыми в его возрасте, отличается живостью облика и ясностью ума и такими подкупающими манерами, что очаровал бы всех, даже не будучи столь высокой особой». В другом месте я читал такие же хвалы принцу Уэльскому Фредерику, сыну Георга II; и Георгу III, само собой разумеется, и Георгу IV – в огромном количестве. Так уж было заведено: видеть великих мира сего в ослепительных ореолах – и люди честно мигали и щурились от монаршего блеска.

Двор курфюрстов Ганноверских был многолюден и, по тем временам, служба там хорошо оплачивалась; более того, здесь платили регулярно, чем редкий европейский двор мог тогда похвастать. Быть может, вам забавно будет узнать, из кого он состоял. Высший класс – сами государи и принцы крови; второй класс единолично представлял фельдмаршал, возглавлявший армию (контингент в 18 000 человек, согласно Пельницу; кроме того, у курфюрста на

службе было еще 14 000 войска); далее своим чередом шли военные и партикулярные чины, тайные государевы советники, пехотные и кавалерийские генералы, – эти все относились к третьему классу; четвертый класс – обер-гофмейстер, церемониймейстеры двора, шталмейстеры, генерал-майоры; и так до майоров, гоф-юнкеров – или пажей, и ассессоров – иначе, секретарей, которые относились к десятому классу и были все люди родовитые. Шталмейстер, как я выяснил, получал жалованье в 1090 талеров; обер-гофмейстер – 2000, при том что талер составлял на наши деньги примерно три шиллинга. Гофмейстеров было два, да еще один у принцессы; камер-юнкеров – пять и пять церемониймейстеров; еще было одиннадцать пажей и при этих благородных юношах – воспитатели: гувернер, наставник, фехтмайстер, то есть учитель фехтования, и учитель танцев; последний – на приличном жалованье в 400 талеров. Было также три лейб- и гофмедика на жалованье в 800 и 500 талеров; цирюльник двора, жалованье – 600 талеров; дворцовый органист; два капельмейстера; четыре француза-скрипача; двенадцать трубачей и горнист, так что музыки в Ганновере, и духовной и светской, было хоть отбавляй. Еще имелось десять камердинеров и двадцать четыре ливрейных лакея; *maitre d'hotel* и подручные на кухне; повар-француз, лейб-повар, десять помощников повара и шесть поварят; два «братенмайстера», то есть специалиста по жаркому (так и представляешь себе медленно вращающиеся огромные вертелы и честных «братенмайстеров», орудующих ложками для подливы); пекарь-кондитер, пирожных дел мастер и, наконец, три судомойки, получавшие скромное вознаграждение в размере одиннадцати талеров. При сахарной кладовой состояли три пирожницы (для дам, разумеется); семь офицеров было при винном и пивном погребах; еще имелось четыре хлебопека и пять хранителей столового серебра. В государевых конюшнях содержалось 600 лошадей – по меньшей мере двадцать роскошных упряжек для дворцовых экипажей, по восемь коней в экипаж; соответственно было шестнадцать берейторов, четырнадцать фореиторов, девятнадцать конюхов, тринадцать подручных, да еще кузнецы, каретники, коновалы и прочие работники конюшен. Женский штат был не столь многочислен; должен с прискорбием сообщить, что обнаружил при дворе курфюрста всего двенадцать или четырнадцать служанок и лишь двух прачек на всю компанию. Видно, для них тогда было не так много работы, как в наше время. Признаюсь, не без удовольствия листал я эти летописи пустяков. Мне нравится населять воображаемый мир былого его заурядными обитателями, и пусть это будут не герои, командующие великими сражениями или подымающие на новый бой разбитые батальоны; и не государственные мужи, составляющие законы или заговоры в тиши своих замкнутых кабинетов, а просто люди, со своими заботами, обязанностями и удовольствиями; лорд такой-то и его супруга, скачущие в лес на охоту, или танцующие на балу во дворце, или отвешивающие низкие поклоны их королевским высочествам на пути в обеденную залу; лейб-повар, шествующий из кухни во главе целой процессии подручных с блюдами; веселые виночерпии, чередой тянущиеся из погребов с графинами в руках; румяный кучер, важно правящий восьмеркой буланых в красных бархатно-сафьяновых чепраках, везущей грузную золоченую карету, на переднем – фореитор, а рядом, подняв серебряные булавы, бегут несколько ражих скороходов в высоких колпаках и в ярких кафтанах, сплошь шитых золотом и серебром. Я представляю себе, как смотрят с балконов на улицу жены и дочери добрых горожан, а сами отцы семейств, с трубками и пивными кружками в руках, встают, снимают шляпы, когда мимо их домов пронесется блестящая кавалькада, пылают факелы, трубачи раздувают щеки и эскадрон лейб-гвардейцев в ботфортах и в сверкающих кирасах скачет на могучих боевых конях, сопровождая его высочество из Ганновера в Херренхаузен, и возможно, что с заездом в «Монплеизир», загородный дом мадам Платен, который расположен как раз на полпути между летним дворцом и постоянной резиденцией ганноверского курфюрста.

В добрые старые времена, о которых я веду речь, когда простых людей сгоняли, точно скот, и гуртами продавали на сторону вести войну с врагами императора за Дунаем или встречать в штыки на Рейне таких же простых людей, составляющих войско короля Людовика, дво-

ряне разъезжали из столицы в столицу, переходили со службы на службу, повсюду, естественно, получая право командовать презренной солдатней, которая сражалась и умирала без всякой надежды выслужиться. Знатные авантюристы перебирались от двора ко двору, ища доходных мест; и не только мужчины, но и дамы тоже; эти последние, если судьба наделяла их красотой и им удавалось привлечь внимание государей, оседали при дворах и становились фаворитками королевских высочеств и величеств, от которых получали в подарок большие суммы и роскошные драгоценности, а также титулы герцогинь, маркиз и тому подобное, нисколько не теряя в общественном мнении от того, каким путем они всех этих благ добились. Так прибыла в Лондон специально подосланная Людовиком XIV очаровательная мадемуазель де Керуайль и была с благодарностью принята нашим монархом и отечеством и наречена герцогиней Портсмутской. Подобным же образом разъезжавшая по белу свету несравненная Аврора фон Кенигсмарк удостоилась благосклонности саксонского курфюрста и польского короля Августа и стала матерью графа Морица Саксонского, который, будучи маршалом Франции, задал нам трепку при Фонтенуа; и точно так же две прелестные сестрицы Елизавета и Мелюзина фон Майссенбах, изгнанные из Парижа бдительным попечением властвовавшей там временщицы, забрели в Ганновер и осели там в роли фавориток царствующего дома.

Упомянутая красавица Аврора фон Кенигсмарк и ее брат очень ярко и своеобразно иллюстрируют нам былые обычаи и нравы. Кенигсмарки происходят от древней и знатной бранденбургской фамилии, одна ветвь которой переселилась в Швецию и там обогатилась и дала несколько видных исторических личностей.

Основателем рода был Ганс-Кристоф, знаменитый полководец и грабитель времен Тридцатилетней войны. Один из сыновей Ганса-Кристофа, Отто, был отправлен послом ко двору Людовика XIV и как таковой должен был при представлении держать перед тронном речь по-шведски. Был он известный щеголь и вояка, но заготовленная речь полностью вылетела у него из головы. И что бы вы думали, он сделал? Нимало не смутясь, произнес по-шведски перед его христианнейшим величеством и двором отрывок из катехизиса, – ведь его все равно никто не понял, кроме его собственной свиты, а уж ей иного не оставалось, как хранить приличествующую случаю серьезность.

Племянник Отто и старший брат Авроры Карл-Иоганн фон Кенигсмарк был любимцем нашего Карла II, – красавец, щеголь, задира и негодяй, каких мало, он едва избежал в Англии виселицы, хотя сполна заслужил ее убийством Тома Тинпа из Лонглита. С ним в Лондоне жил его младший брат, тоже красавец, тоже щеголь и тоже порядочный негодяй, весь в старшего. Юный Филипп фон Кенигсмарк был вместе с братом замешан в этом убийстве, и, право, жаль, что он уберег свою красивую шею от петли. Он перебрался в Ганновер и вскоре был назначен командовать его светлости курфюрста Ганноверского драгунским полком. Когда-то, еще мальчиком, он состоял пажом при герцогском дворе в Целле; и рассказывают, будто он и прекрасная принцесса София-Доротея, теперь супруга наследного принца Ганноверского, были в детстве влюблены друг в друга. Любви этой теперь предстояло возродиться, чтобы привести затем к ужасному концу.

Недавно была выпущена биография супруги Георга I, принадлежащая перу доктора Дорана, и я, признаюсь, был поражен приговором, который выносит автор, оправдывая эту многострадальную женщину. Что муж у нее был холодный эгоист и распутник, никто не спорит; но что у этого плохого мужа была плохая жена, тоже не вызывает сомнений. Она вышла замуж за собственного кузена ради денег или иных выгод, как полагается всякой принцессе. Собой она была необыкновенно хороша, жива, остроумна, образованна; его грубость выводила ее из себя; жестокость оскорбляла ее нежные чувства; от его холодности, от его привычки молчать у нее стыло сердце. Не удивительно, что она мужа не любила. О какой любви могла идти речь в подобном браке? Бедная женщина должна была как-то распорядиться своим незанятым сердцем, и она вздумала подарить его Филиппу Кенигсмарку, негодяю, которому равного не

сыскать во всем XVII столетии. Спустя сто восемьдесят лет с того дня, как этот красавчик опочил в своей безвестной могиле, один шведский профессор случайно наткнулся в университетской библиотеке Упсалы на шкатулку с письмами, которые писали друг другу Филипп и Доротея, и так стала известна их печальная история.

Неотразимый Кенигсмарк завоевал в Ганновере два женских сердца. Помимо молодой красавицы – супруги наследного принца Софии-Доротеи, он еще сумел внушить страсть старой придворной мегере графине фон Платен. Принцесса осаждала его своей верной многолетней любовью. Нежные письма во множестве тянулись за смелым авантюристом в военные походы и не оставались без ответов. Она хотела бежать с ним; хотела во что бы то ни стало оставить ненавистного мужа. Она обращалась к родителям с просьбой приютить ее; строила планы отъезда во Францию и принятия католичества; она уже собрала свои драгоценности, готовясь к побегу, и, наверно, обсудила со своим возлюбленным все подробности во время того последнего ночного свидания, после которого Филиппа Кенигсмарка больше никто никогда не видел.

Кенигсмарк, будучи в Дрездене, под действием винных паров, – а не существует такого порока, которому этот господин, по его же собственному признанию, не был бы привержен, – похвалялся за ужином своими близкими отношениями с двумя ганноверскими дамами, не только с принцессой, но и еще с одной особой, пользующейся в Ганновере большим влиянием. Графиня Платен, старая фаворитка курфюрста, ненавидела молодую принцессу. Красавица обладала живым умом и постоянно высмеивала старуху. Ее шутки доходили до старой Платен тем же путем, каким и сегодня распространяются наши досужие речи; словом, обе дамы терпеть друг друга не могли.

Действующие лица этой трагедии, над которой сейчас опустится занавес, люди скверные. И сам сластолюбивый курфюрст, хитрый, эгоистичный, расчетливый, знающий толк в вине и прочих радостях жизни (его неизменным удовольствием, мне кажется, лишь усугубляется мрачный колорит этой истории), и его курфюрстина, которая говорит мало, но все замечает; и старая Иезавель его фаворитка; и его сын, принц, тоже расчетливый и самодовольный, эгоистичный, невозмутимый и обычно безмолвствующий, пока его не вывел из себя острый язычок его прелестной супруги; и сама несчастная София-Доротея со своей бессмысленной верностью и пылкой страстью к негодяю-любовнику, совершающая открытые безумства и пускающаяся на тонкие хитрости, кокетка и жертва со своей дикой ревностью к мужу (которого ненавидела и обманывала) и ложью, ложью без конца; и, разумеется, доверенная подруга, в чьи руки попадают письма; и кончая самим Лотарио, ничтожеством, который, как я уже говорил, ни по красоте, ни по испорченности не имел себе равных.

Неуместная неотступная страсть преследует негодяя! Как безумна эта женщина в своей верности ему, как она беззастенчиво, невероятно лжет! Она очаровала нескольких человек, изучавших ее историю, и они отказываются признать ее неправой. Подобно Марии Шотландской, она имеет своих приверженцев, ради нее готовых устраивать заговоры даже в истории, ибо тех, кто соприкасается с нею, она околдовывает, зачаровывает, побеждает. Как преданно отстаивала мисс Стрикланд невиновность Марии! И разве десятки моих слушательниц сегодня не разделяют ее мнения? Невиновна? Помню, когда я был мальчиком, большая группа людей провозглашала Каролину Брауншвейгскую святой мученицей. Так же ни в чем не повинна была и Елена Прекрасная. Никогда она не убегала от мужа с Парисом, молодым разгульным троянцем. Муж ее Менелай плохо с ней обращался; и никакой осады Трои просто не было. И жена Синей Бороды тоже была ни в чем не виновата. Она вовсе не заглядывала в чулан, где находились обезглавленные его прежние жены, не уронила ключ и не измазала его в крови; и совершенно правы были ее братья, прикончившие этого жалкого злодея Синюю Бороду. Да, да, Каролина Брауншвейгская ни в чем не виновна; мадам Лафарж не отравила мужа, Мария Шотландская своего не взорвала вместе с домом, бедная София-Доротея не была изменницей; а Ева не ела яблока, – это все наветы коварной змеи.

Георга-Людвига предают анафеме как убийцу и злодея, а между тем он не принимал участия в том деле, когда Филипп фон Кенигсмарк расстался с жизнью. Его вообще не было там, когда это происходило. А принцессу предупреждали сотни раз: мягко, намеками – родители мужа, суровыми увещаниями – он сам; но она, несчастная, как полагается в таких случаях, совершенно потеряла голову и не слушала ничьих советов. В ночь на 1 июля 1694 года Кенигсмарк нанес принцессе весьма продолжительный визит и, расставшись с ней, отправился готовиться к побегу. Муж ее находился в отъезде, в Берлине; ее кареты стояли заложенные, и все было готово к бегству. Между тем соглядатаи графини Платен донесли обо всем своей хозяйке. Она явилась к курфюрсту Эрнсту-Августу и получила у него ордер на арест шведа. Четыре стражника поджидали его на дороге, по которой он должен был ехать к принцессе. Он попытался пробиться и двух или трех из них ранил. Они на него навалились, изранили, стащили с лошади, и когда он, истекая кровью, лежал распростертый на земле, появилась его ненавистница графиня, чьи нежные чувства он предал и оскорбил, и пожелала насладиться видом поверженного врага. Испуская дух, он осыпал ее бранью, и разъяренная женщина каблуком раздавила ему рот. Дальше всем распорядились быстро; тело его назавтра же сожгли и все следы замели. Стражникам, его убившим, было приказано молчать под страхом ужасной кары. Было объявлено, что принцесса больна и не выходит из своих покоев, а в октябре того же года ее, тогда двадцати восьми лет от роду, перевезли в замок Альден, где она и провела узницей ни много ни мало как тридцать два года. Еще до ее заточения принц получил формальный вид на раздельное жительство. Отныне она звалась «принцесса Альденская», и ее молчаливый супруг ни разу больше не произнес ее имени.

Четыре года спустя после катастрофы с Кенигсмарком умирает Эрнст-Август, первый курфюрст Ганноверский, и его сын Георг-Людвиг воцаряется на его месте. Он правил в Ганновере шестнадцать лет, после чего, как мы знаем, стал «королем Великобритании, Франции и Ирландии, Защитником Веры». Старая злобная графиня Платен умерла в 1706 году. Перед смертью она ослепла, но все равно, гласит легенда, постоянно видела у своего грешного старого ложа окровавленный призрак Кенигсмарка. С тем ей и конец пришел.

В 1700 году умер маленький герцог Глостер, последний из детей бедной королевы Анны, и ганноверское семейство сразу приобрело для Англии огромное значение. Курфюрстина София была объявлена ближайшей наследницей английского престола. Георг-Людвиг получил титул герцога Кембриджа; из нашей страны в Германию были отправлены пышные делегации; но королева Анна, сохранявшая в сердце слабость к своим Сен-Жерменским родичам, ни за что не соглашалась, чтобы ее кузен курфюрст и герцог Кембридж приехал к ней засвидетельствовать почтение и занять свое законное место в ее палате лордов. Проживи королева хоть на месяц дольше; прояви английские тори столько же смелости и решительности, сколько они выказали хитрости и проницательности; будь принц, которому принадлежали все симпатии нации, достоин своей судьбы, никогда бы Георгу-Людвигу не разговаривать по-немецки в королевской часовне Сент-Джеймского дворца.

Но английская корона все же досталась Георгу-Людвигу. Однако он не торопился надевать ее. Он пожил еще немного; сердечно распрощался с любимым Ганновером и Херренхаузеном и не спеша двинулся в путь, дабы «взойти на трон наших предков», как он сам выразился в первой своей речи к парламенту. С собою он привез целую свиту немцев, которые были милы его сердцу и постоянно окружали королевскую особу: и верных немецких камер-пажей, и немецких секретарей, и своих невольников-негров, которых добыл себе копьем и луком в турецких войнах, и двух старых немцев – фавориток Кильмансэгге и Шуленберг, которых пожаловал в Англию титулами графини Дарлингтон и герцогини Кендал. Герцогиня была высокой и тощей, как жердь, и, естественно, получила прозвище «Майский Шест». Графиня же была дама крупная и тучная и была прозвана «Мадам Элефант». Обе эти вельможные дамы любили Ганновер и его прелести и так прилепились душой к липовым аллеям Херренхаузена, что поначалу

вообще не хотели уезжать. Собственно, Шуленберг не могла выехать из-за долгов, но, узнав, что Майский Шест отказывается сопровождать курфюрста, Мадам Элефант тут же собрала чемоданы и, как ни была грузна и малоподвижна, украдкой выскользнула из Ганновера. Ее соперница спохватилась и немедленно последовала за горячо любимым Георгом-Людвигом. Впечатление такое, будто мы рассказываем о капитане Макхите и его подружках Полли и Люси. Короля мы получили по своему выбору; но все эти придворные, приехавшие вместе с ним, и английские лорды, собравшиеся, чтобы приветствовать его прибытие, – а он, старый стреляный воробей, преспокойно повернулся к ним спиной, – это поистине превосходная сатирическая картина! Вот я, английский гражданин, жду где-то, скажем, в Гринвиче и кричу «ура» королю Георгу; но при этом я с трудом сохраняю серьезное выражение лица и удерживаюсь от смеха над столь нелепым шествием. Все опускаются на колени. Вон архиепископ Кентерберийский распростерся ниц перед Главой Церкви и Защитником Веры, позади которого скалятся размазанные лица Кильмансэгте и Шуленберг. Вон милорд герцог Мальборо, он тоже на коленях, этот величайший полководец всех времен, предавший короля Вильгельма, и короля Иакова II, и королеву Анну, предавший Англию – Франции, курфюрста – Претенденту и Претендента – курфюрсту. Вон лорды Оксфорд и Болинброк, второй наступает первому на пятки, – ему бы еще только один месяц, и он короновал бы в Вестминстере короля Иакова. Великие виги картинно кланяются и преклоняют колена, как им велит ритуал; но старый хитрый интриган знает цену их преданности. «Преданность – мне? – должно быть, думает он. – Абсурд. Есть полсотни более прямых наследников престола. Я – это случайность, и вы, блестящие господа виги, избрали меня не ради моих прав, а ради своих собственных. А вы, тори, меня ненавидите; и ты, архиепископ, умильно бормочущий на коленях о царстве божьем, отлично знаешь, что я плюю на ваши Тридцать Девять догматов и ни слова не понимаю в твоих дурацких проповедях. Вы, милорды Болинброк и Оксфорд, еще месяца не прошло, как вы злоумышляли против меня; а вы, милорд герцог Мальборо, с потрохами продадите меня, да и всякого, если только цена окажется сходная. Так что пошли-ка, добрая моя Мелюзина и честная София, в мои комнаты, будем есть устриц, запивать рейнвейном и покуривать трубочки; воспользуемся, как можем, нашим новым положением; будем брать, что сумеем, и предоставим этим крикливым, задиристым, лживым англичанам орать, драться и лгать на свой собственный лад».

Если бы Свифт не был лично связан с потерпевшей поражение стороной, какую он мог бы нам оставить великолепную сатирическую картину всеобщей паники в торийских рядах! До чего же они все вдруг стали кротки и молчаливы; как внезапно изменили курс и палата лордов, и палата общин; с какой пышностью приветствовали короля Георга!

Болинброк в своей прощальной речи к палате лордов позорил пэров за то, что несколько человек, сговорившись, одним общим голосованием добились осуждения всего, что до этого ими же было одобрено в многочисленных отдельных резолюциях. И это, действительно, был позор. Болинброк говорил убедительнее всех, но достиг самых плачевных результатов. Для него наступили плохие времена. Он цитировал философов и утверждал собственную невиновность. Он мечтал удалиться от дел и был готов пострадать за свои убеждения: но, узнав, что из Парижа прибыл честный малый Мэт Прайор с материалами о недавних переговорах, философ обратился в бегство и унес свою красивую голову подальше от уродливой плахи. Оксфорд, благодушный ленивец, оказался храбрее и ждал бури дома. Он и Мэт Прайор, оба некоторое время обитали в Тауэре и оба сумели уцелеть в этом опасном зверинце. Когда через несколько лет в этот же зверинец был брошен Эттербери, возник вопрос, что с ним делать дальше. «Что с ним делать? Да бросить на растерзание львам!» – ответил Кадоган, секретарь герцога Мальборо. Но в это время британский лев уже не так жаждал испить крови мирных пэров и поэтов и похрустеть костями епископов. За мятеж 1715 года были казнены только четыре человека в Лондоне и двадцать два в Ланкашире. Более тысячи с оружием в руках сдались на милость короля и покорнейше просили о депортации в американские колонии его величества. Я слы-

шал, что их потомки в споре, приключившемся через шестьдесят лет после этого, приняли лоялистскую сторону. Тогда за сохранение жизни мятежникам высказался, как я с удовольствием узнал, и наш друг, честный Дик Стиль.

Право, забавно задуматься о том, что могло бы быть.

Мы знаем, как по зову лорда Мара обреченные шотландские джентльмены, нацепив на шляпы белые кокарды, с тех пор не раз фигурировавшие в нашей поэзии белым цветом печали, собрались под знамена злосчастливого Стюарта у Бреймара. Мар во главе восьми тысяч человек, имея против себя лишь полторатысячную армию, мог бы отогнать противника за Твид и овладеть всей Шотландией, если бы только герцог, командующий силами Претендента, не смалодушничал и вовремя двинулся, пока военная удача была на его стороне. Эдинбургский замок мог бы оказаться в руках короля Иакова, если бы только люди, которые должны были овладеть им, не задержались в таверне, где пили за своего короля, и в результате явились в условленное место под стенами замка с опозданием на два часа. В городе им сочувствовали, – о предстоящем нападении, по-видимому было известно; лорд Магон ссылается на приведенный у Синклера рассказ некоего не замешанного в эти события господина: в тот вечер он оказался в одном питейном доме, куда восемнадцать заговорщиков как раз зашли выпить, или, как выразилась веселая трактирщица, «напудрить парики перед нападением на замок». А что если бы они не потратили время на пудрение париков? Эдинбургский замок, и весь город, и вся Шотландия были бы в руках Иакова. Поднимается Северная Англия и через Барнет-Хит движется на Лондон. В Сомерсетшире восстает Уиндем, в Вустершире – Пакингтон, в Корнуэ-ле Вивиян. Ганноверский курфюрст и его безобразные любовницы собирают в Лондонском дворце столовое золото и серебро и, может быть, драгоценности британской короны – и убираются вон – через Харвич и Хельветслиус в свою милую Германию. Король – спаси его бог! – высаживается в Дувре среди всеобщих восторженных рукоплесканий: крики толпы, гром пушек, герцог Мальборо проливает слезы умиления, и все епископы опускаются на колени прямо в грязь. Через несколько лет у святого Петра уже служат мессу; в Йоркском кафедральном соборе читают утреню и вечерню, а доктора Свифта выгоняют с кафедры и должности настоятеля собора святого Патрика, каковые освобождаются для отца Доминика с острова Саламанка. Все эти перемены были тогда вполне возможны, – тогда и еще раз, через тридцать лет, – все это вполне могло действительно произойти, если бы не малая щепоть пудры, ради которой шотландские заговорщики задержались в эдинбургской таверне.

Вы понимаете, какое различие я делаю между историей – знатоком которой я себя вовсе не считаю – и описанием жизни и нравов, содержащимся в этих очерках. На Севере начинается мятеж. Его историю вы можете прочитать в ста разных книгах; в том числе и в превосходном сочинении лорда Магона. В Шотландии восстают кланы; Дервентуотер, Нитсдейл и Форстер в Нортумберленде охвачены восстанием – это все материалы истории, которые можно найти в соответствующих хрониках. Гвардейцы патрулируют улицы Лондона и смотрят, чтобы люди не прикалывали к одежде белую розу. Я недавно читал, как двух солдат засекли чуть не насмерть за то, что они носили 29 мая дубовую ветку, которая тоже была эмблемой любимых Стюартов. Так вот, наш объект – эти два солдата, а не передвижения и битвы армий, к которым они принадлежали; нас интересуют государственные деятели; какой они вели образ жизни, как выглядели, – а не меры, предпринимавшиеся государством, которые составляют область интересов истории. Например, известно, что в конце царствования старой королевы герцог Мальборо покинул страну, а какие этому предшествовали угрозы и заклинания, какие обманы, подкупы предлагались, принимались, отвергались и совершались; какие темные плелись интриги, сколько было петляний и бросков из стороны в сторону, – это все пусть поведаст, если сможет, история. Королева умирает; кто же теперь так рвется на родину, если не герцог? Кто кричит: «Боже, храни короля!» – с таким же самозабвением, как победитель при Бленгейме и Мальплекэ? (А между тем он украдкой пошлет Претенденту еще какую-то сумму.) Кто прижимает

руку к голубой ленте у себя на груди и закатывает к небу глаза изящнее, чем этот славный герой? Он совершает в своей огромной золоченой карете нечто вроде триумфального въезда в город через ворота Темпл-Бар, но огромная золоченая карета где-то на Чансери-лейн вдруг ломается, и его светлость вынужден пересест в другую. Вот здесь он наш. Мы теснимся вместе с толпой, а не пристраиваемся к процессии великих людей. Наша покровительница – не Муза Истории, а скромная служанка ее милости, собирательница слухов; для своего лакея никто не герой; и когда вельможа вылезает из огромной кареты и пересаживается в первый попавшийся экипаж, мы записываем себе номер извозчика, мы разглядываем этого важного господина, его звезды, лепты, позументы, и думаем про себя: «Ах ты, немыслимо хитрый интриган! Непобедимый воин! Ослепительный улыбчивый Иуда! Найдется ли для тебя такой хозяин, которого ты не облобызаешь и не предашь? Ни одна отрубленная за измену голова, чернеющая над теми воротами, не породила и десятой доли тех предательских замыслов, что зрели под твоим париком».

Мы привели наших Георгов в город Лондон, и теперь, если мы хотим узнать, как этот город выглядел, можно рассмотреть его на динамичном рисунке Хогарта, где изображена перспектива Чипсайда, а можно прочесть сотни сочинений той эпохи, живописующих тогдашние обычаи и нравы. Наш милый старый «Зритель» смотрит на лондонские улицы с улыбкой и описывает их бесконечные вывески в своей прелестной иронической манере: «Улицы наши кишат Синими Вепрями, Черными Лебедями и Красными Львами, не говоря уж о Летучих Свиньях и Боровах в Латах, а также прочих диковинных тварях, каких не сыщешь и в африканской пустыне». Кое-какие из этих экзотических созданий сохранились в городе по сей день. Над старым постоялым двором на Ладгет-Хилл можно и сегодня видеть «Прекрасную Дикарку», о которой «Зритель» тоже остроумно упоминает в своей заметке; по-видимому, это не кто иная, как любезная американка Покахонтас, спасающая жизнь отважному капитану Смиуту. Существует и «Львиная Голова», в чью пасть попадали письма даже самого «Зрителя»; а на Флит-стрит над входом в крупную банкирскую контору – изображение кошелька, с которым ее основатель, простой деревенский парень, приехал в Лондон. Пустим по этой пестрящей вывесками улице вереницу качающихся портшезов, впереди каждого – слуга, он кричит: «Дорогу! Дорогу!»; а вот выступает господин Настоятель в рясе, впереди него тоже шествует лакей; а вот миссис Дина в саке торопится, семена, к службе, и мальчик-слуга несет за ней большой молитвенник; и со всех сторон слышатся певучие возгласы торговцев-разносчиков. (Помню, сорок лет назад, в дни моего детства, на улицах Лондона звенели десятки знакомых зазывных выкриков, с тех пор давно уже смолкших.) Представим себе лондонских франтов: они спешат войти в кофейню или выходят обратно на улицу, постукивая ногтем по крышке табакерок, и в окнах, над алыми занавесками, мелькают их высокие парики. А из окон верхнего этажа пусть машет ручкой и нежно улыбается Сахарисса, в то время как внизу у дверей шумят, толкаются, дерутся солдаты – лейб-гвардейцы в алых мундирах с синими лацканами и золотым позументом, и конные гренадеры в небесно-голубых шапках с эмблемой Подвязки спереди, вышитой золотом и серебром, и стражники в долгополых красных кафтанах, в которые их облачил еще весельчак Гарри, с большими круглыми белыми воротниками и в плоских бархатных беретах. Быть может, как раз когда мы будем проходить мимо, в Сент-Джеймс прибудет сам его величество король. Если он отправляется на заседание парламента, то едет в карете восьмеркой, окруженный гвардейцами и сопровождаемый высшими должностными лицами государства. В прочих же случаях его величество обходится портшезом, впереди коего шагают шесть лакеев, а по бокам – шесть телохранителей. Придворные следуют за королем в каретах. То-то, должно быть, небыстрая процессия...

Наши «Зритель» и «Болтун» изобилуют восхитительными описаниями городских сцен того времени. В сопровождении этих милых спутников мы можем побывать в опере, в кукольном балагане, на аукционе, даже на петушиных боях; сядем в лодку у Темплской пристани

и вместе с сэром Роджером де Коверли и мистером «Зрителем» отправимся в Весенний Сад – через несколько лет его переименуют в Воксхолл – и Хогарт потрудится над его украшением. Разве вам не хочется заглянуть в прошлое и быть представленным мистеру Аддисону? Не достопочтенному Джозефу Аддисону, эсквайру, члену кабинета Георга I, а великолепному описателю нравов своей эпохи, человеку, приятнее которого, когда он бывал в духе, не найти собеседника во всей Англии. Я бы с удовольствием зашел с Ним к Локиту и выпил кружечку вместе с сэром Р. Стилем (который только что получил от короля Георга баронетский титул и, по несчастью, не располагает сейчас мелочью, чтобы заплатить свою долю за выпивку). А в канцелярию министерства, что на Уайтхолле, я бы с мистером Аддисоном не пошел. Там царство политики. Область же наших интересов – это развлечения, городская Жизнь, кофейни, театр, улица Молл. Дивный «Зритель»! Добрый товарищ в часы досуга! Приятнейший спутник! Настоящий джентльмен и христианин! Насколько ты лучше и достойнее, чем король, перед которым преклоняет колена член кабинета мистер Аддисон.

А если угодно, сведения о старом Лондоне можно почерпнуть и из иностранных источников. Воспользуемся, например, для этой цели нашим выше процитированным знакомцем Карлом-Людвигом бароном де Пельницем.

«Человек умный, – пишет барон, – и благородный не испытывает в Лондоне недостатка в подходящем обществе, и вот как он проводит свои дни. Подымается поздно, надевает фрак и, оставив шпагу дома, с тростью в руке отправляется со двора. Обычным местом его прогулок является парк, эта биржа знати, наподобие Тюильри в Париже, только Лондонский парк обладает некоей прелестью простоты, каковая не поддается описанию. Главная аллея называется Молл; здесь тьма народу в любое время дня, особливо же утром и вечером, когда на прогулку часто выходят Их Величества с королевским семейством, сопровождаемые лишь полудюжиной телохранителей, и при этом публике дозволяется прохаживаться тут же. Гуляющие дамы и джентльмены все в богатых нарядах, ибо, в отличие от того, что было двадцать лет назад, когда англичане носили золотое шитье только на армейских мундирах, теперь они с ног до головы в позументах, кружевах и драгоценностях, не хуже французов. Я говорю о знати; а простой горожанин по-прежнему довольствуется кафтаном и штанами из тонкого сукна, хорошей шляпой, париком и тонким полотняным бельем. Здесь все хорошо одеты, и даже нищие выглядят не такими оборванными, как в других городах».

Погулявши запросто утром в Парке, наш приятель благородный джентльмен идет домой, переодевается и отправляется в кофейню, где рассчитывает увидеться со своими знакомыми.

«Ибо у англичан принято не менее раза в день посещать эти заведения, обсуждать там дела и новости, читать журналы, а подчас просто взирать друг на друга, не размыкая губ. И очень хорошо, что они так молчаливы, ибо будь они столь же разговорчивы, как другие народы, в кофейнях невозможно было бы находиться и нельзя было бы в таком многолюдном собрании расслышать, что говорит ваш собеседник. Кофейня на Сент-Джеймс-стрит, куда я захожу каждое утро скоротать час-другой, всегда так полна народу, что трудно повернуться».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.